

Счастье быть зрителем —

так говорит народная артистка РСФСР, лауреат Государственной премии СССР, актриса Горьковского академического театра драмы Лилия Степановна Дроздова

Неожиданно наша беседа с Лилией Степановной началась еще на не затихшей после спектакля сцене. Рабочие уносили декорации, открылись задние кулисы — во всем этом появилось что-то будничное и не похожее на театр в нашем зрительском восприятии. Созвучно такому настроению и были слова Лилии Степановны:

— Правда, грустно? Только что здесь был свой мир, своя жизнь, и вот... В детстве я раз двадцать смотрела фильм «Цирк» и все время переживала в одном коротеньком эпизоде. Закончились выступления труппы, осень, дождь, и

но, случай. Но, понимаете, творческое отношение к театру начинается еще дома, когда у тебя только билет в кармане и ты можешь и умом, и сердцем приготовиться к посещению театра. Такой зритель есть. Вы знаете, он наш самый большой помощник, он не зашуршит, к примеру, во время действия конфетной бумажкой, он своей тишиной, своей реакцией, сосредоточенностью как бы тоже сыграет спектакль. Такой зритель обладает в верхней одежде тонкостью. И дело здесь, поймите, не в образовании. Сколько раз мы такого зри-

еще работала в Минске, режиссер А. Зархи искал исполнительницу главной роли для своего фильма «Павлинка» по пьесе Янки Купалы. Его привели на спектакль с моим участием. Но я не понравилась ему еще в программке. «Заслуженная... лауреат премии... нет, надо бы нам кого попроще», — так, рассказывали, он реагировал. Не подошла, так не подошла — значит, не повезло. Потом, спустя какое-то время, я собралась на учебный спектакль театрального института. У меня черта есть неприятная — я всегда опаздываю немного. Опоздала и к

РАМПА

СЕГОДНЯ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ ТЕАТРА. ЭТО ПРАЗДНИК ИСКУССТВА, КОТОРОЕ МНОГОЕ ДЕЛАЕТ ДЛЯ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ МИРА МЕЖДУ НАРОДАМИ. ЭТО ПРАЗДНИК АКТЕРОВ, РЕЖИССЕРОВ, ВСЕХ РАБОТНИКОВ ТЕАТРА И НАС, МНОГОЧИСЛЕННЫХ ЗРИТЕЛЕЙ.

чья-то рука срывает красивую афишу с улыбающимся лицом... Нет, это грустная сцена, когда сцену убирают.

Уже в гримборной, где беседа продолжилась, я спросил актрису:

— Вы вспомнили свои зрительские впечатления, а я как раз и хотел начать с разговора о зрителях. Как складываются ваши отношения с ним? Слышите ли, видите ли вы его, когда выходите на сцену?

— Я всегда чувствую зрительный зал как что-то единое на сегодняшний вечер, как одно существо. Верно, что на каждом спектакле зал постоянно другой. Но то ли зрители заражаются друг от друга, то ли заражаем мы их, а я всегда слышу единое дыхание, которым дышит зал.

Вообще в театр приходят очень разные люди. Есть просто скучающие. Мне кажется, я безошибочно могу угадать других зрителей, которых волнует искусство, которые готовы приложить свой ум, сердце ведь, казалось бы, не к жизни, а всего лишь навсего к игре, театральной игре.

— Духовные ценности (создаем ли мы их или только прикасаемся к ним) требуют творческого подхода. В чем, по-вашему, проявляется творческое отношение настоящего зрителя к театру?

— Зритель, конечно, сильно изменился в последние годы. Стал сложнее, интереснее, но вот уважение его к театру как-то немного стухало. Помню себя в послевоенном, разрушенном до основания Минске. Из обуви у меня были только сильно выданные виды сапоги и калоши к ним. А так хотелось в театр! Но разве можно в храм искусства, да в таких-то сапогах. Выход я нашла: незаметно, пока еще было мало людей и меня мало кто мог видеть из публики, пробираюсь на самый верх, в амфитеатр. Смешной, конеч-

геля находили в каком-нибудь самом удаленном уголке области, в сельском клубе, где зимой приходилось и спектакль-то иногда смотреть в верхней одежде. Такому зрителю хочется отдать все, что есть у тебя в душе.

— Не боитесь ли вы молодого, юного зрителя, ведь у них другой ритм жизни, увлечения?

— Ну знаете ли — «боюсь». Я люблю молодого зрителя. И потому, что они наше будущее, и потому, наверное, что просто у меня материнское сердце. Молодые для меня необыкновенно интересны. Уже десять лет я преподаю в театральной училище — бываю у меня с учениками и конфликты, и радости, и недоразумения, но все-таки, я вам скажу, что все они — прекрасные ребята. Как-то мне вспомнилась война, а она для меня — боль души, незаживающая рана — погибли мои брат и сестра. Я подумала: а нынешние ребята хуже тех их одноклассников из горевшей в огне Белоруссии, которых я помню? Нет, не хуже. Зная сердца сегодняшних юных, скажу откровенно, они мне нравятся, а их люблю. И если у меня не будет сил, они мне помогут. При чем же здесь «боюсь»?

Я только всегда волнуюсь. Молодость — быстро проходящее время. В молодости, как в спорте, надо правильно стартовать. Сразу стараться жить во всю силу своих способностей и с полной ответственностью. Хочу, чтобы мои ученики это поняли.

— Когда вы получаете роль, с чего для вас начинается работа над ней? Ищете ли вы совпадения между своим характером и характером ваших героинь?

началу спектакля. Зал полон. Попробовала пробраться к одному месту, потом к другому... Сидевший в зале Зархи сказал своим помощникам, указывая на меня: «Вон кого надо снимать», и в этот же вечер стал уговаривать меня сниматься. Он очень удивился, когда узнал, что я из отвергнутых им же кандидатур. В общем, повезло. Мне и сегодня кажется этот фильм для меня важной и этапной работой.

Ну, а если не повезет, все равно волнуешься. Предположим, досталась та роль, которую не ожидал никогда. Как же ее играть?

А дальше начинается вообще столько тревожений, что рассказывать об этом, наверное, нет смысла.

Конечно, я ищу точки соприкосновения своего характера и характера героини. Но тут важно не только это. Играла я в спектакле по повести З. Посьмыш «Пассажирка» такую Кречмер — фашистский последний, холодный, жестокий человек, с одной программой — давить, душишь, подчинять окружающих людей. На репетициях мне приходилось как бы вращивать в себе ростки дурного. Вспомнила я этот случай потому, что в творчестве прямые соответствия: характер художника — характер его героев, в общем-то, не так-то легко проследить. Актёр в образе скрывается весь, всем своим мастерством и умением. Скажем, до войны, школьницей, я занималась в хореографическом училище. И сегодня пластика моих героинь рождается как-то сама собой, независимо от меня, что ли. Ракетная энергия мамаш Кураж как-то незаметно «выпалася» у меня в ее походке, жестах.

— Каждый художник несет в душе свой идеал. У писателя — это Главная книга. У артиста — Главная (в жизни, в судьбе) роль. Считаете ли вы, что уже в чем-то под-

ступились или подступались к своей Главной роли?

— У писателя и у артиста — разные судьбы. Книгу можно написать, и она станет на полку. Через много-много лет может выясниться, что она и есть у писателя Главная. А роль артиста? Через полгода от нее может ничего не остаться, только память, но она не так уж и совершенна. И все-таки Главная роль есть и у артиста. Мне кажется, она приходит тогда, когда он очень сильно выражает свое время. Об этом я мечтаю. А получилось ли что? Есть у меня роли очень дорогие мне. Это роли моей жизни. Мне так хотелось найти в них дорогу к сердцам зрителей.

— У кого вы учились и учитесь своей профессии?

— Конечно, у театра. Сначала я была прилежной зрительницей театра имени Янки Купалы. И он учил меня как человека и подступку воспринимать как актёра.

Были у меня и театральные институты, и любимые учителя. Но сама жизнь дает не меньше. В каждом спектакле я получаю что-то от своих коллег. Когда наполняешься тем, что они делают, то и сам заряжаешься на ответное творчество. Каждый из моих товарищей в театре мне чем-то помог.

А вообще правы те, кто говорит, что учит жизнь. Свои личные беды и горести обогащают душу, эмоциональную природу. Такова уж наша профессия.

— Часто читаю письма, приходящие в редакцию: «Хочу быть актрисой. Сообщите, что для этого надо?» А действительно, кроме шутки, что?

— Скажу коротко: талант, терпение и труд. С талантом все ясно. А вот терпение... Кому-то кажется, что работа артиста — это каждый вечер аплодисменты, цветы... Актёр очень зависимый человек. Зависит от драматурга (како-

го качества пьесу ему предложат), зависит от режиссера (его умения, мастерства, художественной чуткости), от партнеров, от самого себя, наконец. Артист — человек терпеливый и трудолюбивый. Без труда ничего не достигнешь, один талант быстро выдыхается.

— Любите ли вы ходить в театр?

— Обожаю! Быть зрителем — это вообще счастье. Правда, мои зрительские интересы, в общем-то, меняются. Сегодня для меня праздник бывать во МХАТе. Я преклоняюсь перед его нынешним художественным руководителем — О. Н. Ефремовым. Он собирает у себя в театре удивительно интересных актёров и режиссёров. В подвижничестве Ефремова, в его самоотдаче организатора театра, актёра, режиссёра, в его гражданском темпераменте мне видится высокий образец служения театру.

— Вы играете в спектакле по пьесе молодого драматурга А. Галина «Ретро». Как вы относитесь вообще к новой сегодняшней драматургии, к тем именам, которые составили сегодня новую волну — Петрушевская, Арро, Славицкий, Кокоркин и другие?

— А. Галин — писатель тонкий, наделенный талантом драматурга. Он чувствует театр и умеет мыслить театрально — выстроить сцену, найти язык. «Ретро» мы скоро сыграем уже в 200-й раз, и спектакль этот для меня не теряет красок, и не скучно играть в нем. Я прочитала в новом альманахе «Современная драматургия» и другую пьесу А. Галина — «Восточная трибуна» — работа не менее интересная. С пьесой В. Арро «Смотрите, кто пришел» знакома давно — и с первого прочтения нахожусь под большим впечатлением от нее. Меня радует, и как человека, и как актрису, что в нашу драматургию приходят талантливые люди. Они пишут честно и искренне о болевом. Некоторых смущает (наверное, и меня в какой-то степени) что ли мрачные тона пьес и этих авторов, и Петрушевской, и Казанцева. Но ведь это первые шаги, и именно поэтому они требуют большого внимания. Вспоминаю такую историю. Известный наш комедиограф, к сожалению, ныне покойный, Андрей Макаенко, написал, кажется, первую пьесу в своей жизни о французском рабочем классе. Принес к нам в театр имени Янки Купалы. Можно представить себе, сколько знал о Франции юный белорусский хлопец, не покидавший Родины. И все-таки в пьесе, наверное, что-то было. Ее даже взяли и играли, а Андрей был так счастлив самым этим фактом, что через какое-то время принес в театр настоящую, веселую комедию, написанную живо и неподдельно.

А в своем театральной училище смотрю на первокурсников — ну, гадкие утята, и все тут. А через три-четыре года — они играют. И меня это волнует... Понимаете, театр — это сопричастность к другому человеку, к его искренности, мастерству, таланту, даже просто к пустынной сцене, когда ее только убирают — до и после спектакля.

А. АСФЕВСКИЙ.

Фото Н. МОШКОВА.